

НА СОИСКАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ
ПРЕМИИ СССР

«И ВНОВЬ ПРОДОЛЖАЕТСЯ БОЙ...»

В ПЕСНЮ, как в любой жанр искусства, музыканты приходят по-разному. Одни потому, что думают: песня — это очень просто, это «всего» шестнадцать тактов мелодии, а дальше — слава, известность, нарядные телепередачи. Такие становятся ремесленниками. Другие потому, что понимают: песня — это очень важно, над этим нужно работать всю жизнь, ибо песне нужно все то, что нужно настоящему искусству, — талант, социальное чутье, человеческая зрелость, высокий эстетический вкус и верность. Такие становятся мастерами.

Александра Пахмутова поверила в песню очень рано. Еще будучи студенткой консерватории, она увидела в журнале фотографию — улыбающийся человек с белой гвоздикой в петлице пиджака. Сейчас пахмутовскую «Балладу о белой гвоздике», посвященную греческому коммунисту Никосу Белояннису, мало кто знает, и очень жаль: в ее звуковых контурах «предчувствуется» знаменитая «Песня о тревожной молодости».

К слову сказать, наши строгие профессора пятидесятих годов, в том числе и замечательный русский советский композитор Виссарион Яковлевич Шебалин, у которого занималась Пахмутова, всячески поощряли устремления своих воспитанников к работе в самых массовых жанрах искусства. У Пахмутовой есть симфоническая «Русская сюита», Концерт для трубы, Концерт для оркестра, балет «Озаренность», хоровые произведения, танцевальные и детские пьесы, обработки народных мелодий. А все же с песней у нее всю жизнь любовь особая — глубокая, нежная и потому взаимная.

Не часто случается, чтобы первые же, во многом ученические еще заявки на творчество, становились абсолютно серьезными «художественными эпиграфами» к жизни профессионального музыканта. В «Балладе о белой гвоздике», «Походной — кавалерийской», «Я тебя люблю» и других ранних сочинениях уже содержались все те черты, которые затем, окрепнув и развившись, сложились в неповторимый почерк Александры Пахмутовой: этически весомая

тема, неизменный контроль в отборе технических средств, стремление и умение достигать свежих стиливых синтезов (особенности фольклора, рабочая революционная песенность, традиции советских корифеев жанра, элементы открытой современной эстрады...) О Пахмутовой заговорили. И что еще важнее — ее запели. Запели как-то сразу, запели всё — и цикл «Таежные звезды», и мелодии о любви, о войне и победе, о природе. Впрочем, «мелодии» — сказано неточно, неполно: это именно песни, где музыкальный образ неотделим от поэтического, где шумит зеленое море тайги и сосны читают стихи, где «только лебеди пролетали, подставляя закату крыло...» Без чуткости к поэзии, к речи, к разговорной интонации не было бы того поразительного песенного симфонизма, которым примечательны выдающиеся образцы нашего искусства, — песни Пахмутовой «Нежность», «Мелодия», цикл «Созвездие Гагарина», «Если отец герой», «Ненаглядный мой», «Орлята учатся летать», «Кто отзовется...» — перечислить все невозможно, да и не нужно. Но назвать поэтов, работающих с композитором, необходимо — Л. Ошанина и М. Матусовского, М. Лисянского и Е. Долматовского, М. Львова и С. Гребенникова, Р. Казакову, Р. Рождественского и особенно Николая Добронравова, чье дарование столь созвучно пахмутовскому. У нас, кстати, любят говорить об инертности музыкальной критики в области песни (не верь этому, читатель: песне посвящаются дискуссии и целые пленумы Союза композиторов, книги, статьи, исследования, реплики), но вот я не припомню, чтобы кто-нибудь проанализировал замечательные поэтические находки «Созвездия Гагарина». Например, из «Смоленской дороги»: «У неба отпросился, да отпуск кратким был...» Воистину Пахмутова умеет отбирать стихи сообразно своей музе. И это — еще одно доказательство и редкостной природной одаренности ее натуры, и приобретенного ею в упорнейшем труде высокого художественного мастерства.

Упорнейший труд... Здесь,

пожалуй, впору вспомнить: много лет назад в кухне огромной московской коммунальной квартиры по ночам сочиняла музыку эвакуированная из Сталинграда девочка — ученица Центральной музыкальной школы, которую все звали Алечкой. Жила она тогда в столице без родителей, а ночами работала, чтобы не мешать жильцам квартиры, да и просто всегда не хватало времени...

Песни Пахмутовой не просто красивы, не просто праздничны или реквиемны, они остро социальны по духу, по выраженному в них эстетическому идеалу, рожденному нашим, социалистическим образом жизни. Так пропагандировать свой мир, свою действительность, свою Родину может только большой художник. И в самом деле: «Горячий снег» или «Надежда», «Весна 45-го года» или «Не расстанусь с комсомолом», «Ильич прощается с Москвой» или «Совість мира», «Малая Земля» или «И вновь продолжится бой» — разве это не о самом дорогом для нас на земле?..

Да, Александра Пахмутова сразу и навсегда поверила в песню. Но можно сказать и так: песня поверила в Александру Пахмутову, сделала ее своим «доверенным лицом», «связным» между собой и молодежью, комсомолом. И — принесла ей легендарную известность. Почта композитора содержит десятки писем в день. К ней обращаются представители всех поколений, но главным образом — молодежь. «Напишите о нас», «Приезжайте к нам», «Пришлите нам ноты», «Расскажите о себе»... А иногда — очень красивое, поэтичное:

Плечут хвост и травой
Песни Пахмутовой.

Нет сердец, перед тобой
Нераспахнутых...

И это правда. Потому что песня для Пахмутовой — это очень серьезно. «Песня», — сказала она на одном представительном творческом собрании за рубежом, — может стать знаменем, а может стать ножом и наркотиком». В феврале нынешнего года в Киеве прошел пленум Союза композиторов СССР, посвященный состоянию и задачам советской песни. И масштабный, острый доклад Пахмутовой на пленуме лишний раз подтвердил: она не только очень много практически работает в этом жанре, но и много думает о нем, видит в нем много неиспользованных еще ресурсов, а с другой стороны — много шлака, штампов, калтуры...

Секретарь правлений Союза композиторов СССР и РСФСР, первый среди музыкантов лауреат премии Ленинского комсомола, Александра Пахмутова выдвинута на соискание Государственной премии СССР. Она достойна этой награды. Песни композитора, многое почерпнувшие из нашего музыкального быта, возвращаются в него, обогащая его. Мы привыкаем к ним, мы иногда даже вроде не замечаем их — как не замечают нечто само собой разумеющееся. Скажем, читая газетную рубрику «Работа у них такая», мы не вспоминаем, что это ведь «перейнтонованные» строчки из «Тревожной молодости» и «Мы учим летать самолеты».

Но проходит время. Появляются новые песни Пахмутовой. И оказывается, что — нет, к ним привыкнуть нельзя. Они опять захватывают красотой и одержимостью, неприятным жизненной обыденщины, способностью утешить и научить хорошему.

Л. ГЕНИНА.

Фото Б. ВЛАДИМИРОВА.